

Этот дневник принадлежит: МНЕ!
ОСТОРОЖНО! НЕ ЧИТАТЬ! СУГУ-
БО КОНЦИФЕ... КОНФЕЦИ... КОНФИ-
ДЕНЦИАЛЬНО!!! Бабушка, к тебе это тоже
относится!

ФИО: Б. В. И.

Прозвище: Вилка

Дата рождения: 4 июня

Возраст: 12 лет и 364 дня!

Место рождения: коридор перинатально-
го центра имени Н.К. Крупской, на полпути
к родильной палате (если верить бабушке)

Адрес: У-ск, 3-я улица Строителей, дом 25,
квартира 12 (настоящий писать не буду —
вдруг мой дневник найдет маньяк и начнет за
нами охоту?)

Привычки: трогать себя за ухо, делать
перестановку в комнате, размышлять о грядущей
смерти, собирать неожиданные правди-
вые факты, распутывать загадочные престу-
пления, есть

Кумиры: Гарри Стайлс, И. Б. (мой папа)
и человек, изобретший пенициллин

ПРОЗВИЩЕ: Вилка

Заветные мечты: стать женой Гарри Стайлса и лидером «Зеленого Движения», похудеть сразу на 150000000 кг!

Темперамент: ммм... БУРНЫЙ! Средней бурности (люди думают, что я довольно странная, но то, что думают о тебе люди, не всегда правда, так?)

Рост: 1 м 48 см 3 мм (если верить бабушкиной сантиметровой ленте)

Вес: 58 кг (но вечером я плотно поела)

Цвет волос: натурально-пшеничный блонд.

Особые приметы: непропорционально развитое ~~большое~~ ГИГАНТСКОЕ правое ухо

Друзья: Татьяна Анатольевна Кукушкина (Танюся), Ирина Приставкина (свое отчество Ирочка скрывает)

Питомцы: нет ни одного ДО СИХ ПОР!

Романтические привязанности: Гарри Стайлс, иногда Кузин

Страхи: растолстеть, на старости лет остаться безработной, увидеть вблизи полтергейст, летать на самолете

Девиз: не кусайтесь, да не кусаемы будете!

Еще несколько слов о себе: я очень умная и осторожная, я никогда не пойду в подвал под тревожную музыку

Суббота, 3 июня

Правдивый факт дня: если у вас одна ноздря закрыта в течение 72 часов, вы будете медленно терять способность видеть цвета. Ваше зрение мгновенно нормализуется, когда вы отпустите ноздрю.

Выходит, если зажать на некоторое время ноздрю, то можно взглянуть на мир глазами собаки!

Сегодня мне чуть не ампутировали ухо. Бабушка хотела, чтобы его «резали с концами», но Вадим Николаевич сказал, что мне оно еще пригодится. Если я вдруг стану оперной певицей или, например, как он — оториноларингологом, то парочка ушей мне еще как потребуются. Вообще-то, ковыряться в чужих ухо-горло-носах мне неинтересно, а вот сцена — это, может быть, и мое. Еще он сказал, что приклеивать уши к голове супер-

ПРОЗВИЩЕ: ВИЛКА

клеем не то чтобы глупо, но смертельно опасно для жизни.

— Она так больше не будет, — мрачно сказала бабушка. — Уж поверьте мне на слово.

Мне не понравилось, как она это сказала. И как судорожно ее побелевшие пальцы сжали при этом сумочку.

— Вот и отлично, — вежливо улыбнулся Вадим Николаевич и стал намазывать мне ухо чем-то холодным и вязким. Ухо у меня бумкало, как маленький барабан. Хотя оно увеличилось в размере раз, наверное, в пятьсот! Я послушно лежала на кушетке лицом к стене, слушала радио, и мне казалось, что Вадим Николаевич пытается сделать из моего уха бутерброд с маслом. А потом его откусить. Но когда сводка криминальных новостей закончилась и начали петь «Блэк Пинк», Вадим Николаевич сказал, что я могу вставать, а сам принялся что-то быстро строчить в амбулаторной карте. Он почему-то был не в зеленом медицинском халате, а в брюках и свитере. Я вспомнила, что у меня есть точно такой же, в толстую кривую косичку — мне его вязала бабушка. Прямо один в один.

Он все писал и писал, бабушка напряженно молчала, а я вдруг подумала: а что, если этот свитер ему тоже вязала бабушка? В смысле, не его, а моя. Это была такая

страшная мысль, что я моментально вспотела. Ведь моя бабушка вяжет только мне и еще иногда — папе! Так почему же на нем, на этом Вадиме Николаевиче Каце, на этом участковом ухо-горло-носе, которого мы с бабушкой видим впервые, надет свитер, связанный собственноручно моей собственной бабушкой?!

В поисках ответа я стала придирчиво разглядывать его кабинет. Все в нем было подозрительным, начиная с пластикового окна и заканчивая ковриком у двери с надписью «Добро пожаловать!». Всюду чистые белые стены, пол, потолок, стул... Странно, очень странно.

Но тут мой взгляд упал на стол, и это отвлекло меня от тревожных предположений. На нем лежал надкушенный батончик «Сникерс».

Я подумала: надо же, этот доктор ест «Сникерс». Не здоровые легкоусвояемые белки, жиры и углеводы, а вредный промышленно-обработанный «Сникерс»! Наверное, он открыл его перед самым нашим приходом и даже успел надкусить. Но не успел спрятать, потому что пришли мы.

Я посмотрела на бабушку — она его тоже заметила, этот тихий шоколадный ужас на столе, и уже брезгливо поджимала губы.

ПРОЗВИЩЕ: Вилка

А потом она заметила, что я заметила, что она заметила, и тогда она спросила у доктора Каца ехидным голосом:

— Надеюсь, до сепсиса дело не дойдет?

— Я прописал вам антибиотики, — ответил он и отправил нас в коридор.

Домой мы шли молча. Мимо нас молча шли люди в головных уборах и без. Человек с козлиными ногами. Женщина с гигантской попой. Ребенок с голубым лицом. Высокий старик с пакетом. Бабушка несла в сумочке антибиотики и со мной не разговаривала. Она зачем-то замотала меня шерстяным шарфом по самые уши. Ощущение, как будто это боа Констриктор¹ вокруг меня обвился, а сама я — баобаб. Боа на баобабе с бабушкой. Она была в шлепках с резиновой розочкой между большим и указательным пальцами. То есть не указательным, он же на ноге, а этим... В общем, не знаю, как он правильно называется. Короче говоря, между первым и вторым пальцами с внутреннего края. С утра бабушка надела юбку и нанесла на ноги автозагар. Но не «тщательно и равномерно», как это написано в инструкции, а как бог на душу положит. Поэтому сверху ноги у нее были ярко-оранжевые, а снизу — молочно-белые.

¹ Удав обыкновенный.

Бабушка на меня все еще дулась. Но скажите: есть ли моя вина в том, что родили меня с двумя непропорционально развитыми ушами? И еще ответьте: как на свете жить человеку, когда левое ухо у него крошечное, как у хомячка, а правое — величиной с августовский лопух и торчит под углом девяносто градусов?!

Денег на пластическую операцию я просила у папы. Но бабушка сказала, что это мотовство и что лишних денег в семье нет. Вот поменяем на кухне раковину, а там посмотрим. Я не спорю, что кухонная раковина для людей без посудомоечной машины — архиважное приобретение. Но собственная УШНАЯ раковина мне все-таки гораздо важней. Поэтому я решила приклеить ее к голове. Скотчем не получилось — он не прилипал к волосам. Большая канцелярская скрепка продержалась недолго. Поэтому оставался клей. Суперклей.

И все было хорошо, просто замечательно в течение двух первых дней. Впервые в жизни я позволила себе выйти на улицу с конским хвостом! Обычно я ношу распущенные волосы. Вы бы только видели, какой фурор я произвела во дворе среди бабушек (хвост я начесала и набрызгала сверху цветным лаком)! Но сегодня утром я проснулась с пылающим

ПРОЗВИЩЕ: ВИЛКА

беляшом справа на голове. Вдобавок завтра у меня день рождения, и бабушка сказала, что будут гости.

Я не хочу гостей. На день рождения я хочу космическую пластику уха! То есть косметическую.

— А свитер ТЫ ему связала?

— А? Какой свитер?

Я остановилась и пристально посмотрела бабушке в глаза. Горло от шарфа у меня пересохло. Я вдруг все поняла. Это она — точно. Она связала ему этот проклятый свитер! Но зачем же она скрывает? Этот Кац — он что, ее незаконнорожденный сын?!

— Который у доктора... В косичку... У меня ведь точно такой же... — сказала я таким тоненьким от волнения голосом, который можно расслышать, только если ты летучая мышь или моя бабушка. У нее немецкий слуховой аппарат.

— Ты что, больная? — сухо спросила бабушка и, наслюнив палец, стала тереть у меня под носом.

А самое страшное в моей жизни знаете что? Что меня зовут Виолетта.

Виолетта Ботова. И завтра мне исполняется тринадцать лет. А шампанское с антибиотиками нельзя.

Воскресенье, 4 июня

Правдивый факт дня: ДНК человека на 30% совпадает с ДНК салата.

Проснулась я не с пионами и подарками на подушке, а оттого, что в туалете тошнило бабушку. Я обула тапочки и пошла посмотреть, что случилось.

С несчастным видом, вся в черном, бабушка сидела на холодном кафельном полу.

— Это от меня?

— А? — бабушка отрешенно смотрела в пространство между мной и дверным косяком. На лице у нее было выражение невыносимой муки.

— Ну ты же всегда говоришь, что тебя от меня уже тошнит.

Кряхтя бабушка поднялась с пола и, отодвинув меня в сторону, на слабых ногах пошла на кухню. Зашумел кран, потом телевизор и чайник.

А может, они просто забыли?

Я вернулась в комнату и хорошенько все там проверила. Нет, подарка нигде не было. Кота тоже.

Просто я надеялась, что бабушка подарит мне деньги на операцию, а папа — кота. Он обещал. Но папы дома тоже, кажется, нет.

ПРОЗВИЩЕ: ВИЛКА

Я легла обратно в постель и стала думать. Почему бабушке так плохо? С утра ведь ей обычно хорошо, давление поднимается лишь к вечеру. Утром плохо бывает только алкоголикам и беременным женщинам, но бабушка у нас непьющая, а значит... Получается, что...

Она беременна!

Но ведь ей же шестьдесят четыре года!

Меня прошиб холодный пот. Науке известны случаи, когда женщины рожали и в шестьдесят, и в семьдесят лет. А одна девочка в нашей школе родила в тринадцать! То есть, гипотетически, начиная с сегодняшнего дня, я тоже могу родить. И если мы родим с бабушкой вместе, то мой ребенок ей будет правнуком, а ее — мне кем? Кузенком? Внучатым племянником? И потом: бабушкин муж, мой дедушка и папин папа, давно умер. Выходит, ее ребенок будет незаконнорожденный?! Но тогда кто же отец?

Я вдруг вспомнила вчерашнего Вадима Николаевича, из больницы. Свитер! Так вот почему она его ему связала! Теперь все ясно. Эта мысль так потрясла меня, что у меня зашевелились волосы. В голове никак не укладывалось: как бабушка могла предать память дедушки? Ведь она же до сих пор носит по воскресеньям траур!

Я вдруг явственно представила себе, как мы с ней идем по парковой аллее с коля-

сками. У нее серая (это бабушкин любимый цвет), а у меня синяя. Мы идем все в утреннем тумане, а в колясках в это время лежат наши дети примерно одного возраста. Звучит красиво — идем в тумане, но на самом деле это как через мокрую грязную тряпку идти. Мне не видно крошечных лиц наших деток, но я знаю, что похожи они как две капли воды на своих матерей. Мой — толстый с ухом, а бабушкин — весь в морщинках у рта.

Я прислушалась к себе: нет, не тошнит. Только в животе бурчит, потому что уже хочется есть. И потом, с чего бы меня тошнило? Пашка меня всего один раз поцеловал, да и то в щеку.

— ВиолЭтта! ВИОЛЭТТА!

— Чтооо?!

Бабушка сразу замолчала. Она всегда так делает: позовет откуда-нибудь издалека страшным голосом и сразу замолчит. Затаится. Иногда бывает, часами сидишь с ней в одной комнате, она тебе слова не скажет, а выйдет — и сразу начинается: «ВиолЭэээээээтта!»

Я быстренько натянула штаны с футболкой.

— Виолэээтта!

